

С.В. Краус
Россия, Барнаул,
Алтайская государственная педагогическая академия
Научный руководитель к.ф.н., доцент Т.А. Богумил

ОРНИТОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В ЦИКЛЕ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ «Н. Н. В.»

Орнитологическая символика в лирике М.И. Цветаевой не становилась предметом специального изучения до настоящего времени. Мы выясняем функции и значения образов птиц на примере цикла «Н. Н. В.», посвященного художнику Н.Н. Вышеславцеву.

А. Саакянц определила жанр цикла как «поэму неразделенной любви» [2, с. 227]. Развитие любовного сюжета на всем протяжении цикла сопровождается орнитологическими образами и мотивами.

Первый орнитологический образ в цикле – совенок: «Совенка – в ночь, бессонную – к бессонным» [1, с. 526].

Для героини вдохновение важнее жизни: «Нет, легче жизнь отдать, чем час/ Сего блаженного тумана!» [1, с. 526], поэтому она не может уснуть: «...снов нельзя/ Мне видеть...», не может умереть: «... не будут спать/ Глаза в гробу...». И здесь совенок – символ творческой героини.

С образом совенка появляется мотив сна – творчества, который далее в цикле реализуется в оппозиции: «...Все спящей видели меня,/ Никто меня не видел сонной...» [1, с. 531]. Творящая героиня – «спящая», в то время как сонный – лишь желание погрузиться в сон.

В стихотворении «Пригвождена...» любовью к куполу-голове уравниваются противоположные по смыслу образы: голубь – птица Святого духа, и ворон – проклятая Ноем птица.

Выстраиваемая антитеза «тело – душа» («Ты, ласковый с малейшим волосом,/ Неласковый с моей душой» [1, с. 527]) напоминает речи Далиллы, упрекавшей Самсона в недоверии, любви к своей силе и красоте. Вводится мотив одиночества: «Вникая в прядки золотистые,/ Не слышишь жалобы смешной:/ О, если б ты – вот так же истово/ Клонился над моей душой!» [1, с. 527].

В стихотворении «На бренность бедную мою» отношения между героем и героиней контрастны: он – каменный, памятник, Вечность; она – птица, пение, преходящий май [Цветаева]. Героиня напоминает, что закон, применимый к ней – «легкий». Далее в цикле набирает силу тема суда, творимого возлюбленным и людьми. И этот суд – наказание героине за ее отличие ото всех.

Героиня – осуждаемая моралью канатная плясунья в мире, из дурной круговерти которого она не может вырваться: «Чтоб по людскому цирковому кругу/<...>/ Кружить, кружить, кружить до самой тьмы...» [1, с. 530].

Спасением станет любовь или смирение: «А может быть – цыганские заплаты – Смиранные – мои / Не меньше, чем несмешанное золото,/ Пред ликом судии». Создается образ плясуна, прокаженного в мире людей и

невинно-чистого перед Богом. Спасительно творчество, память и забвение о первоначалах: «Долг плясуна – забыть, что знал когда-то -/ Иное вещество,/ Чем воздух – под ногой своей крылатой! / <...> Он – как и ты – глашатай» [1, с. 530]. Крылатость – особый дар, но клеймо в глазах людей.

Идею смирения побеждает осознание героиней своей значимости, победа гордости: «...Непрочен суд земной!/ И голубиной – не черни/ Галчонка – белизной» [1, с. 529]. Цветаева представляет земной суд как зеркало, в котором ценности подменяются: что кажется грешным (чернота галчонка) и праведным (голубиная белизна) в ином мире переворачивается. Способность любить, возможно, окажется самым весомым аргументом в пользу героини: «...всех перелюбя, / Быть может, я в тот черный день/ Очнусь – белей тебя!» [1, с. 529].

В контексте казни появляется образ голубя. Любящая, и за это «пригвожденная к позорному столбу», героиня замечает: «... и не рокот толп -/ То голуби воркуют утром рано...» [1, с. 532]. Голуби через отрицательный параллелизм со-/противопоставлены осуждающей людской молве, суду человеческому.

К финалу цикла крылатая героиня-артистка умирает. В стихотворении «Смерть танцовщицы» встречаются атрибуты из прошлых стихотворений: веер, канат, глаза, некогда видевшие сны, но не спящие, бранные доспехи. И далее звучит манифест «Я не танцую<...> / ...пойман - ветер». Наконец, в последнем стихотворении констатируется: «С тех пор как мне душа дарована / Я стала тихая и безответная. // Забыла, как речною чайкою / Всю ночь стонала под людскими окнами» [1, с. 536].

Стихотворение обращает нас к сказке о Русалочке: отказ от моря ради любимого, который соотносим с отказом от морской души Марины и ее крылатости в цикле: это смерть.

Лирическая героиня противопоставлена речной чайке по принципу наличия-отсутствия человеческой души. С приобретением души, она не обретает счастья: «Так солон хлеб мой, что нейдет, во рту стоит,-/ А в солонице соль лежит нетронута...» [1, с. 536]. Соль – метафора страдания, которое необходимо преодолеть, дабы достичь вечной жизни и понять ее смысл. В русской культуре хлеб и соль являлись первым угощением жениха и невесты после венчания. Отсутствие того, с кем можно разделить это угощение, указывает на то, что получив душу в подарок, героиня получила одиночество.

Итак, героиня тотально одинока: она чужая и для людей, и для любимого человека. Инаковость героини обозначается «птичьими» признаками. Но есть в системе образов цикла и птицы, означающие «других». Дифференциация происходит по признаку цвета.

Так, например, белизна голубя противопоставлена черноте галчонка: праведность и грешность. На этой же цветовой оппозиции строится близкий орнитологическому зооморфный код: «...не было в твоих стадах/ Черней – овцы» [1, с. 528]. «Черная овца» синоним «белой вороны». Лирическая героиня вновь характеризуется как маргинал в этом мире.

За свой цвет – черный – героиня становится прокаженной: «И смех мой<...> / Как прокаженных бубенец». Однако «чужая» овца в белом стаде станет «своей» в ином, утопическом мире: «Есть остров – благостью Отца, -/ Где мне не надо бубенца,/ <...>/ Есть в мире – черные стада» [1, с. 528].

Таковую же функцию цвет несет в одном из финальных стихотворений цикла: «...Увидишь ты, что зря меня чернил:/ Что я писала – чернотой крови,/ Не пурпуром чернил» [1, с. 534].

Белизна и чернота птиц, овец становятся в одну цепь с пурпуром. Формируется цветовая палитра: черный – белый – красный. Символика цвета обретает особое, актуальное для цикла значение: черным является неприемлемое в земном мире, белый – земная праведность, которую хотят видеть на людском суду. Краснота – жертвенность героини, ее осужденность. Тогда «чернота крови» - это душа творящей иномирной героини, вылившаяся в письмо.

Итак, орнитологические образы в цикле «Н. Н. В.» представляют собой особую семиотическую систему. Они тождественны лирической героине и маркируют чуждость ее в этом мире. В связи с этим, значимым становится и зооморфный код.

Птицы в цикле могут составлять оппозицию: «я – другие», тогда противопоставленность строится на цветовом принципе. Птица это еще и символ одаренности. Эта отличность лирической героини в цикле представляется через образы артистки, танцовщицы, прокаженной. Их объединяет людское отношение, земной суд, на котором их «чернят», и вера в суд Высший, на котором они будут оправданы и окажутся чище судей земных.

Список литературы

1. Марина Цветаева. Собрание сочинений в семи томах. Т.6. – М.: Эллис Лак, 1994. – 536 с.
2. Саакянц, А.А. Марина Цветаева. Страницы жизни и творчества (1910 – 1922). – М.: Советский писатель, 1986. – 352 с.